

Письма

- Дальнейшие рассуждения на тему преступности
- Рабочее движение и анархизм

Дальнейшие рассуждения на тему преступности

1922, источник: [здесь](#). Размышления анархиста Альдо Вентурини про статью “Ужасные бандиты” (и те, что не удалось найти в архивах) и ответ Эррико Малатеста на его письмо. Речь пойдет о насилии, ущербу человеку без применения насилия, вопросе преступления и наказания, возможных путях решения вопроса преступности и другом.

Письмо от Альдо Вентурини

Дорогой Малатеста, я с большим интересом прочитал две Ваши статьи про важность и то, что всегда стоит обсуждать проблему преступности, недавно появившиеся в U.N. («Umanità Nova» — название газеты, прим. ред.).

Без сомнения, ваши аргументы в поддержку решения, которое у нас, анархистов, вызывает вопросы, логичны и впечатляющие.

Однако позвольте мне рассмотреть некоторые ваши идеи, которые разрешают некоторые аспекты проблемы, но делают это слишком широко и абстрактно или слишком узко. Например, Вы говорите: «Для нас выполнение общественных обязанностей должно быть добровольным, и можно применять насильственные действия только против тех, кто добровольно оскорбляет других и препятствует мирному существованию общества. Сила и физические ограничения могут быть использованы только против насильственного воздействия при необходимости защиты».

Переходя ко второй части Вашего рассуждения, выходит, что «насильственное воздействие» составляет нарушение принципа справедливости, который будет основным в будущем обществе.

Зачем нужна сила и физическое ограничение, ограниченные и вдохновленные идеей явной необходимости защиты, которые не должны быть использованы также и в тех случаях (морализаторство преступлений новой социальной среды), в которых серьезные повреждения все еще могут быть причинены своему ближнему без осуществления «насильственного воздействия»?

Разве это не акт осуществления насильственного воздействия над человеком, чтобы лишить его чего-то, принадлежащего ему, эквивалентный удачному акту того же ограбления без использования какого-либо насилия вообще?

Более того, какая разница между, скажем, кем-то, кто жестоко убивает ближнего и кем-то, кто заставляет его умереть от осуществления уголовного преступления и переменчивых убеждений?

Вышеописанное всего лишь пример, если не сказать, что можно упомянуть сотни случаев, в которых преступление с целью нанести ущерб чужой жизни может произойти без насильственного воздействия.

С другой стороны, есть оправданное насилие и неоправданное. Следовательно, несправедливость лежит не столько в самом акте, выполняющим ее, а в том факте, что кто-то в любом случае вынужден страдать из-за чей-то злобы и лукавства. На эту тему Вы говорите: «Мы не видим другого решения проблемы, кроме как предоставить ее разрешение заинтересованным лицам, народу, то есть гражданам, которые будут действовать по-разному в зависимости от обстоятельств и различной степени развитости».

Однако, «народ» — это слишком общее определение здесь, следовательно, вопрос остается нерешенным. Такое рассуждение, кажется, повторяет ошибки, допущенные Кропоткиным, согласно которому люди должны делать все, и для него все люди это общая масса.

Саверио Мерлино сильно критиковал эту и другие ошибки Кропоткинской идеи анархизма; и, споря с Вами, он предлагает следующее решение актуальной проблемы социальной защиты в своей книге «Коллективистская утопия»: «Между нынешней системой и предположением, что преступность должна снизиться, я считаю, есть место для промежуточных форм социальной защиты, которые отличаются от государственных функций. Такая социальная защита должна практиковаться на глазах у людей и управления везде, как и любая другая государственная служба, как здравоохранение, транспорт и т.д., и поэтому она не может вырождаться в инструмент угнетения и господства».

Почему бы нам, анархистам, не достигнуть этого понятия? Мы хотим ликвидировать нынешний механизм так называемого государства, со всеми его болезненными и бесчеловечными сторонами, но мы не хотим заменять его индивидуальной свободой или общим приговором толпы. Чувство справедливости в людях должно быть развито больше, а формы ее выражения и защиты должны быть разработаны.

Я поднял эти скромные возражения перед Вами, главным образом, предлагая Вам возможность вернуться к такой важной теме, которая нуждается в обсуждении.

Альдо Вентурини

Ответ Малатеста

Критика нашего друга Вентурини совершенно верна: я указываю ему, однако, что я только выразил некоторые идеи о сложном вопросе преступности, не имея намерения предложить решение, справедливое для всех возможных случаев.

Я считаю, что все, что может быть сказано и сделано, чтобы бороться с преступностью может иметь только относительное значение, в зависимости от времени, места, и прежде всего от степени нравственного развития среды, в которой происходят события. Проблема преступности, лишь в том, чтобы найти окончательное и полностью адекватное решение, когда ... преступлений больше не будет существовать.

Я знаю, что нас, как правило, обвиняют в неясности и неопределенности наших предложений для решения самых болезненных социальных проблем. И я знаю, что анархисты, едины в разрушительной критике текущей морали и учреждений, но разделены на самые разные школы и направления, как только дело доходит до решения проблемы реконструкции и практической жизни будущего общества.

Однако это мне не кажется плохим, наоборот, основная характеристика и заслуги анархизма — не намерение исправить будущее заранее, а просто гарантировать условия свободы, необходимой для социальной эволюции, в конечном счете, обеспечить максимальное благосостояние и наибольшее материальное, духовное и интеллектуальное развитие для всех.

Авторитарные правители, либо верят, что они должны держаться непогрешимой формулы, или хотя бы делать вид, что держатся, подкрепляя это законами. Тем не менее, вся история показывает, что закон заключается в защите, укреплении, сохранении интересов и предрассудков, существующих на момент принятия закона, таким образом, заставляя человечество идти от революции к революции, от насилия к насилию.

Напротив, мы не хотим похвастаться тем, что у нас есть абсолютная истина; и мы считаем, что социальная истина не является фиксированной величиной, верной для всех времен, универсально применимой, или, быть может, определена заранее; но вместо этого, когда свобода защищена, человечество будет идти вперед, изучая и действуя постепенно, с наименьшим количеством потрясений и с минимальным сопротивлением. Таким образом, наши решения всегда оставляют дверь открытой для различных и, будем надеяться, что лучших решений.

Это верно, что в действительности нужно принимать конкретные действия, и нельзя жить, ничего не делая, всегда ожидая чего-то лучшего. Так или иначе, сегодня мы можем только стремиться к совершенству, даже зная, что идеал не единственный фактор истории. В жизни, кроме вырисовывающейся силы идей и идеалов, также существуют сугубо материальные обстоятельства, привычки, противоположности интересов и неисчислимое количество нужд, которым мы вынуждены в некоторой степени подчиняться в нашей повседневной жизни. На практике, все делают то, что имеют возможность делать и несмотря ни на что анархисты должны продолжать стремиться к своему идеалу, пресекать, или пытаться пресечь неизбежные попытки государства, органов принуждения применить силу, помешать этому.

В любом случае, давайте вернемся к теме преступности.

Как Вентурини верно отмечает, существуют еще более скверные пути унижения свободы и справедливости кроме тех, что совершаются с помощью материального насилия, против которых может быть применена сила физического принуждения. Таким образом, я соглашаюсь с принципом, что каждый имеет право обратиться к материальной силе только против тех, кто хочет нарушить чье-либо право все той же материальной силой, конечно, это не универсальный принцип, и он не может быть применен ко всему ряду подобных казусов и не может рассматриваться в абсолюте. Возможно, нам стоит выработать исчерпывающую формулу посредством утверждения права самозащиты против физического насилия, так же как и против актов эквивалентных, в своем образе действий и в своих последствиях, физическому насилию.

Таким образом, приступая к подробному анализу, требуется осветить и рассмотреть множество различных аргументов, такой подход ведет нас к выработке тысяч различных решений, не касаясь главной сути, вопроса величайшей сложности — кто будет судить, и кто будет исполнять решение такого «суда»?

Я утверждал то, что нужно оставить принятие решение тем, кто в этом заинтересован, народу, то есть массам людей и т.д.

Вентурини отмечает, что «народ» является слишком общим выражением, и я соглашусь с ним. В отличие от Кропоткина, я далек от восхищения людьми. Хотя, с другой стороны, он подправлял все, называя толпу «народом» только тогда, когда она вела себя так, как ему нравилось. Я знаю, что люди способны на все: сегодня они свирепые, а завтра они щедры, сегодня социалисты, а завтра — фашисты, однажды они поднимаются против священников и Инквизиции, а потом они наблюдают за долей Джордано Бруно, молясь и аплодируя, сейчас они готовы на любые жертвы и героизм, а в какой-то другой момент они находятся под худшим влиянием страха и жадности. Что можно с этим поделать? Можно только работать с тем, что есть, и попробовать добиться наилучшего результата.

Как и Вентурини, я не хочу ни индивидуальной свободы, ни самосуда толпы; однако, я не мог принять решение, предложенное Мерлино, который хочет организовать социальную защиту против преступников как любую другую общественную службу, такие как здравоохранение, транспортная служба и т.д., потому что я боюсь формирования массы вооруженных людей, которые приобретут все недостатки и покажут всю опасность полиции.

В интересах службы, т.е. общества, полезно то, что железнодорожники, например, специализируются на своей работе, врачи и учителя полностью посвящают себя своему искусству; однако, опасно, хотя может быть технически выгодно позволить кому-либо работать полицейским или судьей.

Все должны заботиться о социальной защите в той же мере, в какой все быстро помогают друг другу, когда происходят общественные бедствия.

Быть полицейским хуже, чем быть преступником, по крайней мере, чем малозначительным преступником; полицейский более опасен и вреден для общества. Однако если люди не чувствуют себя достаточно защищенными со стороны общества, без сомнения, они

немедленно обратятся в полицию. Следовательно, единственный способ прекратить существование полицейского аппарата — это сделать его бесполезным, замещая его в тех функциях, которые представляют собой реальную защиту населения.

Я заканчиваю словами Вентурини: «Чувство правосудия людей нуждается в усовершенствовании, а формы выражения и защиты его должны быть лучше выработаны».

Рабочее движение и анархизм

1925, источник: [здесь](#). Малатеста рассказывает испанским товарищам про свои взгляды на рабочее движение и то, как революционные группы должны работать в нем, а также описывает возможные опасности, подстерегающие эти группы — оппортунизм, реформизм.

Дорогие товарищи.

В вашем журнале я наткнулся на следующее: «Если мы должны выбирать между Малатеста, который призывает нас к классовому единству, и Рокером, который основывается на рабочем движении с анархистической направленностью, то мы выбираем нашего немецкого товарища». Это уже не в первый раз, когда наша испаноязычная пресса пытается втолковать мне свои идеи, которых я не разделяю, и тех, кому интересно знать, что именно я думаю по этому поводу, я прошу опубликовать мою статью.

Во-первых, если бы все было так, как вы представляете себе, я бы тоже выбрал вашего Рокера вместо этого «Малатеста», идеи которого насчет рабочего движения анархистов мало похожи на мои собственные. Давайте уясним одну вещь: рабочее движение с анархистическими целями это не то же самое, что рабочее движение анархистов. Очевидно, что в своей деятельности анархисты обращаются к окончательному торжеству анархии — тем более что такая деятельность осуществляется в рабочем движении, которое имеет такое большое значение в борьбе за человеческий прогресс и эмансипацию. Но то рабочее движение, которое не только участвует в пропаганде анархии, но и постепенно “завоевывает” местность может разойтись во взглядах с уже существующим движением.

Главное для меня — это не «классовое единство», а торжество анархии, которое касается всех, и в рабочем движении я вижу внедрение этой идеи только путем повышения морального духа работников, приучать их к свободе инициативы и солидарности в борьбе за благо всех и сделать их способными представить себе, какова будет идея анархия, внедренная в жизнь. Таким образом, разница между нами, может быть, и не кончается, но мы считаем таковую тактику наиболее подходящей для достижения наших общих целей.

Некоторые считают, что анархисты должны собрать своих единомышленников среди рабочих, или, по крайней мере, людей из отдельных ассоциаций, но со сходными мыслями. Но я наоборот хотел бы, чтобы все наемные работники, независимо от социальных, политических или религиозных взглядов, или вообще без каких-либо взглядов, стали связаны между собой в борьбе против своих боссов, и были бы участниками одной организации. И я хотел бы, чтобы анархисты стали неотличимы от остальных, даже при внедрении своих идей и примеров. Вполне возможно, что в конкретных обстоятельствах,

связанных с личностями, окружающей средой или случаем, придется дробиться на группы, разделяющие массы организованных рабочих в соответствии с их социальными и политическими взглядами. Но, в целом, мне кажется, должно присутствовать стремление к общему единству, которое объединит рабочие движения, сделав их дружными между собой, и приучит их к солидарности, что придаст им гораздо больше сил для борьбы сегодня, или подготовит их к предстоящей борьбе и последующей гармонии после победы.

Очевиден тот факт, что мы не должны бороться за окончательное подавление любой инициативы, проявляемой со стороны рабочих посредством навязывания дисциплины, которая станет тормозить или полностью остановит освободительное движение. Но мера объединения связана лишь с поддержкой объединением нашего движения, которое сможет защитить свободу, будучи единым целым. В то же время, поистине мудрые единства возникают через силу и в ущерб свободе. Рабочее движение не является искусственным творением идеологов, направленным на поддержку и введение в действие социальной и политической программы, независимо от того принимают ли анархисты данное решение или нет. Но эти решения будут следовать заданной программе. Работодатели будут зависеть от таких программ, они уже сейчас остро нуждаются в улучшении условий для своих рабочих или, по крайней мере, в прекращении ухудшения этих условий. Следовательно, они должны жить и развиваться в среде, как сейчас, и всегда ограничить свои претензии на то, что им кажется желаемым на данный момент.

Это может произойти, и, действительно, это часто случается — то, что основатели рабочих ассоциаций являются сторонниками радикальных социальных перемен, и которые извлекают выгоду из потребностей и настроений масс, пробуждая у них интерес к переменам, которые удовлетворяют их собственным целям. Они собираются вокруг них, как якобы их товарищи, и делают вид, что намерены бороться за их интересы и свободы. Это относится как к простым объединениям рабочих, так и к целым организациям. «Завлечение» же происходит за счет обещаний увеличения заработной платы, отпускного времени или улучшения правил внутреннего распорядка. Но вскоре, когда число их членов возрастает, поскольку краткосрочные интересы берут верх, революционные движения становятся препятствием и опасностью для «прагматических» слоев — консерваторов и реформистов, которые стремятся и готовы заключать любые соглашения и договоры, вытекающие в столкновения с идеалистами и сторонниками жесткой линии, а также рабочими организациями, которые волей-неволей постепенно становятся участниками капиталистического общества — значит, они больше не за отказ от своих старых начальников, а просто за ограничение их власти.

Это то, что всегда было и не может быть иначе, так как массы, прежде чем принимать на борт идеи и набраться сил, дабы преобразовать общество снизу вверх, испытывают скромные потребности в небольших улучшениях, в том числе и для организации, которая будет защищать непосредственно их интересы в момент подготовки к будущей идеальной жизни. Так что же делать, когда анархисты из рабочих организаций, столкнувшись с большинством инакомыслящих и с их, прежде всего экономическими потребностями, перестают быть революционной силой и вовлекаются в балансирование между трудом и капиталом и, возможно, даже встает вопрос о сохранении статуса — кво?

Есть товарищи, которые говорят, что делали, когда этот вопрос поднимался, и он был о том, что анархисты должны образовать несколько мелких группировок. Но это для меня значит осуждать себя и вернуться к самому началу. Новая группа, если она не остается, как просто группа, потерявшая свое родство с другими, и уже не оказывающая влияние на борьбу рабочих, и, как организация, она остается уже позади. В то же время семена горечи будут посеяны среди рабочих и все усилия будут потрачены на борьбу с другими, более крупными, конкурирующими организациями. После, в духе солидарности, чтобы не попасть в ловушку игры своих боссов и для того, что внедрять интересы своих членов, организация будет вынуждена согласиться с большинством и признать новое руководство.

Трудовые организации, состоящие исключительно из закоренелых анархистов, которые должны были популяризовать анархию (*которая была и остается действительной анархией, как система взглядов и убеждений*) в некоторых случаях, оказывались чрезвычайно полезными формами анархистских групп; но они не были рабочим движением и не имели целей, которые должны привлекать рабочие массы в борьбу и, что особенно важно для нас, создавать огромное поле для пропаганды и расширения круга анархистов. По этим причинам, я считаю, что анархисты должны оставаться –естественно, с достоинством и независимостью – в рамках общих рабочих организаций; работать в них и подталкивать к борьбе по мере своих сил; быть готовыми воспользоваться в критический момент истории, влияние на которую они, возможно, получают, и превратить их скромное оружие обороны в мощный инструмент атаки. В то же время, конечно, самим движением, движением идей, не стоит пренебрегать, ибо это дает необходимую базу, предоставляющую средства и инструменты для всего прочего.

Ваш анархист.